

Олег Лекманов

Принстонский университет, Принстон

lekmanov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0784-5930>

Oleg Lekmanov

Princeton University, Princeton

lekmanov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0784-5930>

ГРАФОМАНИЯ У ПОСТСИМВОЛИСТОВ И ОБЭРИУТОВ

GRAPHOMANIA AMONG POST-SYMBOLISTS AND OBERIU WRITERS

В статье идет речь о графомании, как приеме в произведениях русских ранних постсимволистов и обэриутов и на этом примере демонстрируется принципиальная разница между ранними и поздними постсимволистами. Ранние постсимволисты в своих произведениях пародировали неуклюжих поэтов-любителей с целью рассмешить потенциального читателя. Обэриуты полагали, что возможности поэзии и искусства исчерпаны, соответственно, в их текстах, подражающих графоманам, дискредитируются не только поэты-любители, но и все предшествующее искусство в целом, в том числе, и ранние постсимволисты.

Ключевые слова: акмеисты, футуристы, обэриуты, Николай Олейников.

This article examines the use of graphomania as a literary device in the works of early Russian post-Symbolist and OBERIU writers. It demonstrates a fundamental difference between early and late post-Symbolists. Early post-Symbolists parodied clumsy amateur poets in their writings with the aim of amusing the potential reader. The OBERIU group, by contrast, believed that the possibilities of poetry and art had been exhausted. Accordingly, their graphomania-inspired texts discredit not only amateur poets but the entire preceding artistic tradition, including the early post-Symbolists themselves.

Keywords: Acmeists, Futurists, OBERIUTS, Nikolay Oleynikov.

Как известно, в основополагающей для нашей темы заметке Владислава Ходасевича 1936 года к произведениям, «лежащим много ниже нуля» (Ходасевич 1936: 3) были отнесены ранние стихи Николая Заболоцкого. За это Ходасевичу уже посмертно досталось в авторском примечании к другой важнейшей статье о графоманах — «Можно ли получать удоволь-

стве от плохих стихов, или о русском “чучеле совы”» Владимира Маркова. Марков упрекает Ходасевича за то, что тот в заметке «Ниже нуля» «демонстрирует пределы собственного вкуса, помещая в число графоманов Николая Заболоцкого с его замечательным неопримитивистским “Торжеством земледелия”» (Марков 1994), а далее указывает на главную причину этого вкусового провала: «Отрицание Ходасевичем футуристического пути общеизвестно» (Марков 1994).

Как представляется, дело все-таки было, в первую очередь, не в футуристической, а именно в обэриутской закваске стихотворений раннего Заболоцкого. Ведь и Осип Мандельштам, который, как известно, к футуристам относился гораздо терпимее Ходасевича и даже в 1913 году едва не стал участником кубофутуристической группы, стихи Заболоцкого и Николая Олейникова решительно не принимал. В Заболоцком, как и Ходасевич, Мандельштам видел графомана и, соответственно, в разговоре с филологом Сергеем Рудаковым в 1935 году отозвался о стихах Заболоцкого так: «Это капитан Лебядкин, это не стихи» (Мандельштам 1997: 70). А об отношении Мандельштама к Николаю Олейникову мы узнаем из мемуаров литературоведа Соломона Рейсера. У них с Мандельштамом в 1933 году «как-то зашла речь об Олейникове», и Рейсер, «расхрабрившись, прочитал» поэту «“Однажды, однажды я вас увидел...”». Мандельштам холодно прослушал стихи и очень резко о них отозвался (“дерьма третьего сорта”) и спорить о них не стал» (Рейсер 2006: 35). Впрочем, и Олейников, по свидетельству Николая Харджиева, «Мандельштама ненавидел и о том, кого презирал, говорил сквозь зубы: — Ему, наверно, нравится Мандельштам...» (Мейлах 2002: 51).

По-видимому, и в случае с отрицанием поэзии обэриутов Ходасевичем, и в аналогичном случае с Мандельштамом уместно будет говорить о радикальном несовпадении взглядов на искусство и окружающий мир представителей средней и поздней волн русского модернизма. Обэриутам не только поэзия, например, Надсона, но и поэзия большинства постсимволистов (и даже — особенно постсимволистов) казалась безнадежно обветшалой, и они пытались дискредитировать эту поэзию, в том числе и с помощью графомании как приема. А постсимволисты средней волны с разной степенью раздражения от притязаний обэриутов отмахивались. Лидия Гинзбург, которая приятельствовала и с бывшими акмеистами, и с обэриутами не без иронии зафиксировала в своих записях отчасти совпадающую с мандельштамовской, но расходящуюся в оценке реакцию Анны Ахматовой на поэзию Олейникова: «Ахматова говорит, что Олейников пишет как капитан Лебядкин, который, впрочем, писал превосходные стихи. Вкус Анны Андреевны имеет пределом Мандельштама, Пастернака. Обэриуты уже за пределом. Она думает, что Олейников — шутка, что вообще так шутят» (Гинзбург 2002: 486).

То есть поэзию Олейникова Ахматова по инерции воспринимала как пополнение обширного корпуса шуточных стихотворений старших поэ-

тов, в том числе, постсимволистов, в котором имитация графомании почти всегда использовалась исключительно для создания комического эффекта. В частности, тот же Ходасевич в 1925 году обратился к Нине Берберовой следующее «обэриутское» «Сочинение»:

Ничек глаза таращит
 На вокзальные часы,
 Очень беспокоясь на счет
 Женственной своей красы.
 Ждет с любовным треволнением,
 Что приеду я назад,
 И взирает с нетерпением
 В супротивный циферблат.
 Завивает русы косы
 И помадой щеки трет.
 Но у ей глаза раскосы,
 И всегда она урод.

(Ходасевич 1996: 355)

Можно вспомнить и шуточное (редкий случай) двустишие самой Ахматовой, которая в 1920-е годы так отозвалась на ожидания от нее «привычно лаконичных стихов на “женские” темы, но в соединении с новыми реалиями» (Поливанов 2006: 179):

Вышла Дуня на балкон,
 А за ней весь Совнарком.

(Поливанов 2006: 179)

Постсимволисты если и заходили на обширную территорию графоманской поэзии, то очень редко и только в своих прикладных, шуточных стихах. Олейников и ранний Заболоцкий осваивали эту территорию методично и последовательно. Нужно отметить, что обстоятельная последовательность всегда была отличительной чертой тактики поэтов круга ОБЭ-РИУ и их друзей. Евгений Шварц вспоминал про шутки, которые повторялись в редакции журнала *Еж* «методично, ежедневно, при каждой встрече. Например, один из наших друзей неуклонно говорил, войдя в отдел и глядя на Олейникова:

— Много казаков порубал я на своем веку!
 На что тот каждый раз отвечал одинаковым лихим голосом:
 — А я их всех воскрешал!» (Шварц 1982: 149)

А Лидия Жукова так пишет о манере Олейникова шутить: «Шутил он спокойно, деловито, словно открывая что-то новое, важное. И в его голубоватых глазах — ни смешинки, ни задоринки, — холодная непроницаемость» (Жукова 1983: 161).

Числясь с 1923 по 1925 годы штатным сотрудником редакции журнала «Забой», издававшегося в донбасском Бахмуте, Олейников завел себе осо-

бую тетрадку, куда методично заносил наиболее яркие строки из графоманских стихотворений местных поэтов. Эту тетрадку Олейников не забрал с собой, переезжая, в 1925 году, в Ленинград. «У него образовалась замечательная коллекция плохих стихов, доставлявшая его насмешливому уму большое удовольствие. Помню, что одно стихотворение из этой коллекции начиналось так:

Когда мне было лет семнадцать,
Любил я девочку одну,
Когда мне стало лет под двадцать,
Я прислонил к себе другу».

— вспоминал Николай Чуковский (Чуковский 1989: 254–255).

Однако дело было далеко не только в «большом удовольствии для насмешливого ума». Строки из тетрадки с графоманской продукцией были пущены Олейниковым в работу. Приведем наглядный и незатейливый пример: в 1926 году Олейников и Шварц под руководством Самуила Маршака составляли первый из серии сборников *Советские ребята*. В этот сборник вошел раздел «Литкружок (стихи и рассказы читателей)», в котором Олейников поместил следующее четверостишие, приписанное им мальчику Василию Попову:

Когда мне было лет двенадцать,
Я в школу поступил одну;
Когда мне стало лет тринадцать
Перевели меня в другу.

(*Советские ребята* 1926)

Но работа Олейникова с пластом графоманской поэзии, разумеется, не ограничилась лишь переделкой зачина жестокого городского романа в неуклюжее псевдетское стихотворение несуществующего мальчика. Олейников и ранний Заболоцкий не побоялись превратить подражание графоманам в один из главных приемов своей поэзии, чем в конечном счете и было спровоцировано как брезгливое раздражение Мандельштама и Ходасевича, так и недопонимание Ахматовой.

Остается только в очередной раз подивиться смелости Олейникова и Заболоцкого. Ведь они не могли не понимать, что, делая ставку на подражание графоманам во многих своих произведениях (хотя, конечно, одним этим приемом оба не ограничились) они рисковали быстро утомить читателя. Обратим внимание: Ходасевич в уже цитированной выше заметке «Ниже нуля» ограничился приведением небольших и так сказать ударных (очень смешных) фрагментов из стихотворений графоманов, поскольку, во-первых, далеко не все эти тексты были целиком выдержаны на столь восхитительно низком уровне, а, во-вторых, цитация подряд обширных фрагментов, а, тем более, стихотворений целиком, скорее всего, быстро надоела бы читателю. В этом, заметим в скобках, проблема издания антологии графоманской поэзии. Удовольствие от чудовищно плохих стихов

получить, безусловно, можно, но только если эти стихи отобраны и поданы маленькими порциями. Юрий Терапиано, который в заметке «“Перекресточная тетрадь”» сообщил, что «дорого бы дал за возможность перечитать сейчас всю поэму» корнета и поэта графомана Дмитрия Любищева «на Евангельские темы» (Терапиано 1953: 109)¹ почти наверняка лукавил, поскольку *вся* поэма вряд ли доставила бы ему столь же большую радость, как ее самые яркие и потому запомнившиеся микрофрагменты.

Но как обэриуты при помощи имитации графомании дискредитировали все сказанное поэтами до них? Попробуем коротко показать как раз на примере того стихотворения, о котором пренебрежительно высказался в свое время Мандельштам — «Чревоугодия» (1932) Олейникова:

Однажды, однажды
Я вас увидал.
Увидевши дважды,
Я вас обнимал.

А в сотую встречу
Утратил я пыл.
Тогда откровенно
Я вам заявил:

— Без хлеба и масла
Любить я не мог.
Чтоб страсть не погасла,
Пеките пирог!

Смотрите, как вяну
Я день ото дня.
Татьяна, Татьяна,
Кормите меня.

Поите, кормите
Отборной едой,
Пельмени варите,
Горох с ветчиной.

От мяса и кваса
Исполнен огня,
Любить буду нежно,
Красиво, прилежно...
Кормите меня!

Татьяна выходит,
На кухню идет,
Котлету находит
И мне подает.

...Исполнилось тело
Желаний и сил,
И черное дело
Я вновь совершил.

И снова котлета.
Я снова любил.
И так до рассвета
Себя я губил.

Заря занималась,
Когда я уснул.
Под окнами пьяный
Кричал: караул!

Лежал я в постели
Три ночи, три дня,
И кости хрустели
Во сне у меня.

Но вот я проснулся,
Слегка застонал.
И вдруг ужаснулся,
И вдруг задрожал.

Я ногу хватаю –
Нога не бежит,
Я сердце сжимаю –
Оно не стучит.

...Тут я помираю.

Зарытый, забытый
В земле я лежу,
Попоной покрытый,
От страха дрожу.

¹ Подробнее см. в интернет-заметке А. Л. Соболева: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/213034.html>.

Дрожу от того я,
 Что начал я гнить,
 Но хочется вдвое
 Мне кушать и пить.

Я пищи желаю,
 Желаю котлет.
 Красивого чаю,
 Красивых котлет.

Любви мне не надо,
 Не надо страстей,
 Хочу лимонаду,
 Хочу овощей!

Но нет мне ответа –
 Скрипит лишь доска,
 И в сердце поэта
 Вползает тоска.

Но сердце застынет,
 Увы, навсегда,
 И желтая хлынет
 Оттуда вода,

И мир повернется
 Другой стороной,
 И в тело вопьется
 Червяк гробовой.

(Олейников 2015: 245–247)

Это стихотворение, в том числе и его графоманская составляющая уже было разобрано Лидией Гинзбург. Приведем здесь большую сборную цитату из ее работы, включающей анализ «Чревоугодия»:

В нем представлены оба словесных начала Олейникова — слово, умышленно скомпрометированное, и слово, наконец-то зазвучавшее. <...> Суть <...> стихотворения — в скрещении разных пластов поэтического языка Олейникова. Олейников убежден в том, что предшествующая поэзия не способна больше выражать современное сознание. Это у него общеобериутское. <...> Он начинает с уничтожения наследственных сокровищ. Для того чтобы расчистить дорогу новому слову, ему нужно умертвить старые. Этому служат его языковые маски. Прежде всего маска пошляка, галантерейного человека, потому что язык подложных ценностей самый разрушительный для любых ценностей, к которым он прикасается. <...> И вдруг смешное кончается и начинается тоска —

И нет мне ответа,
 Скрипит лишь доска.
 И в сердце поэта
 Вползает тоска.

Это настоящая тоска, и принадлежит она настоящему поэту. Но это уже не та тоска и не тот поэт, какие завещаны нам поэтической традицией. Высокие слова прошли сквозь галантерейное растление, предназначенное предохранить непрочное чувство современного поэта от губительной инерции подложных ценностей в «красивой» оболочке (Гинзбург 2002: 496–498).

Итак, Гинзбург видит в лирическом субъекте «Чревоугодия» самого поэта, нацепившего на себя маску пошляка-графомана, которая спадает в финале, обнажая подлинное лицо автора («Это настоящая тоска, и принадлежат она настоящему поэту»). Мы же полагаем, что одна маска в финале стихотворения Олейникова заменяется на другую. Ведь гротескный субъект «Чревоугодия» вот уже четыре строфы как труп, гниющий и все же алчущий «котлет» и «конфет». Разве сами эти элегические рифмы («ответа — поэта» и «доска — тоска») не поставлены здесь в один ряд с обес-

ценивающими, графоманскими рифмами вроде «страстей — овощей»; разве призыв, на который поэту «нет <...> ответа», не упирается в черный фарс — желание «вдвое» «кушать и пить» за гробом? Гниет в этом стихотворении не только добывающийся снеди мертвец, но и вся система понятий и ценностей, связанная с жалуемым на порядок вещей и жалеющим себя «поэтом» (вспомним хотя бы из «Окон во двор» (1924) Ходасевича: «Несчастный дурак в колодце двора/Причитает сегодня с утра,/И лишнего нет у меня башмака,/Чтобы бросить его в дурака» (Ходасевич 1996: 278), или из стихотворения Мандельштама 1910 года: «Я счастлив жестокой обидою,/И в жизни, похожей на сон,/Я каждому тайно завидую/И в каждого тайно влюблен» (Мандельштам 2009: 50)).

«Настоящим» в «Чревоугодии» Олейникова оказывается вовсе не как бы маскирующийся лирик со своей «вечной» тоской, а *всеобщий закон обрачиваемости*, согласно которому тот, кто ест, рано или поздно сам становится едой:

И мир повернется
Другой стороной,
И в тело вопьется
Червяк гробовой.

В заключение отметим, что и Олейников, и Заболоцкий не просто основательно освоили область графоманской поэзии, а исчерпали в рамках своей поэтики возможности графомании как приема. Оба в своих поздних стихотворениях перешли к радикально другим способам познания и изображения окружающего мира. Однако ни Ходасевич, ни Мандельштам этих стихотворений уже не прочитали.

ЛИТЕРАТУРА

- Гинзбург Лидия. *Записные книжки. Воспоминания. Эссе*, Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2002.
- Жукова Лидия. *Эпологи*, New York: Чалидзе, 1983.
- «О. Э. Мандельштам в письмах С. Б. Рудакова к жене (1935–1936)». *Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома. 1993. Материалы об О. Э. Мандельштаме*. Санкт-Петербург: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1997.
- Мандельштам Осип. *Полное собрание сочинений*. В 3 т. Т. 1. Москва: Прогресс-Плеяда, 2009.
- Марков Владимир. *О свободе в поэзии*, Санкт-Петербург: Издательство Чернышева, 1994.
- Мейлах Михаил. «О Хармсе (Николай Харджиев. Из последних записей)». *Studi e scritti in memoria di Marzio Marzaduri*, Padova: Quaderni del Dipartimento di Studi Eurasiaci Università degli Studi Ca' Foscari di Venezia, 2002: 49–62.
- Олейников Николай. *Число неизреченного*, Москва: ОГИ., 2015.
- Поливанов Константин. *Пастернак и современники. Биография. Диалоги. Параллели. Прочтения*, Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006.
- Рейсер Соломон. *Воспоминания. Письма. Статьи. (К столетию со дня рождения)*, Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2006.
- Советские ребята. Сборник для детей. № 1*. Москва — Ленинград: Государственное издательство, 1926.

- Терапиано Юрий. *Встречи*. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1953.
 Ходасевич Владислав. «Ниже нуля». *Возрождение: Ежедневная газета*. 23.1.1936: 3.
 Ходасевич Владислав. *Собрание сочинений*. В 4 т. Т. 1. Москва: Согласие, 1996.
 Чуковский Николай. *Литературные воспоминания*, Москва: Советский писатель, 1989.
 Шварц Евгений. *Мемуары*, Paris: La Presse Libre, 1982.

REFERENCES

- Chukovskij Nikolaj. *Literaturnye vospominaniya*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1989.
 Ginzburg Lidiya. *Zapisnye knizhki. Vospominaniya. Esse*. Sankt-Peterburg: Iskustvo—SPB, 2002.
 Hodasevich Vladislav. «Nizhe nulya». *Vozrozhdenie: Ezhednevnyaya gazeta*. 23.1.1936: 3.
 Hodasevich Vladislav. *Sobranie sochinenij*. V 4 t. T. 1. Moskva: Soglasie, 1996.
 Mandel'shtam Osip. *Polnoe sobranie sochinenij*. V 3 t. T. 1. Moskva: Progress-Pleyada, 2009.
 Markov Vladimir. *O svobode v poezii*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Chernysheva, 1994.
 Mejlah Mihail. «O Harmse (Nikolaj Hardzhiev. Iz poslednih zapisej)». *Studi e scritti in memoria di Marzio Marzaduri*. Padova: Quaderni del Dipartimento di Studi Eurasiatici Universita degli Studi Ca' Foscari di Venezia, 2002: 49–62.
 «O. E. Mandel'shtam v pis'mah S. B. Rudakova k zhene (1935–1936)». *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma. 1993. Materialy ob O. E. Mandel'shtame*. Sankt-Peterburg: Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskij proekt», 1997.
 Olejnikov Nikolaj. *Chislo neizrechenogo*. Moskva: OGI., 2015.
 Polivanov Konstantin. *Pasternak i sovremenniki. Biografiya. Dialogi. Paralleli. Prochteniya*. Moskva: Izdatel'skij dom GU VSHE, 2006.
 Reiser Solomon. *Vospominaniya. Pis'ma. Stat'i. (K stoletiyu so dnya rozhdeniya)*. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet kul'tury i iskusstv, 2006.
 Shvarc Evgenij. *Memuary*, Paris: La Presse Libre, 1982.
Sovetskie rebyata. Sbornik dlya detej. № 1. Moskva — Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1926.
 Terapiano Yuriy. *Vstrechi*. N'yu-York: Izdatel'stvo imeni Chekhova, 1953.
 Zhukova Lidiya. *Epilogi*. New York: Chalidze, 1983.

Олег Лекманов

ГРАФОМАНИЈА КОД ПОСТСИМБОЛИСТА И ОБЕРИУТА

Резиме

У раду је реч о графоманији као поступку у делима раних руских постсимболиста и обериута, а на овом примеру показана је суштинска разлика између раних и касних постсимболиста. Рани постсимболисти су у својим делима пародирали неспретне песнике-аматере како би насмејали потенцијалног читаоца. Обериути су сматрали да су могућности поезије и уметности исцрпљене, па се сходно томе у њиховим текстовима који опонашају графомане, дискредитују не само песници-аматери, већ и сва дотадашња уметност у целисти, укључујући и ране постсимболисте.

Кључне речи: акмеисти, футуристи, обериути, Николај Олејњиков.